

Влияние идеологии на российско-турецкие отношения

Одним из наиболее известных идеологических течений, оказывавших влияние на развитие отношений Российской и Османской империй в начале двадцатого века был пантюркизм, доктрина, провозглашавшая идею создания огромного государства, которое бы объединило тюркоязычные народы от Адриатики до Тихого океана. Активизация сторонников этой доктрины на территории Российской империи в начале двадцатого века, попытка выработать основы будущего гипотетического государства после Петербургского и Нижегородского съездов сторонников этой доктрины закончилась вполне предсказуемо: сторонников создания «Великого Турана» выслали за пределы Российской империи и они продолжили свою деятельность на территории Османской империи. Активизация пантюркистской агитации пришлась на период победы младотурецкой революции в Турции и привела к появлению там значительного числа сторонников пантюркизма в кругах османских интеллектуалов.

Однако пантюркизм был не единственным идеологическим течением, оказавшим влияние на развитие отношений двух стран. Отметим, что идеологические основы государственной политики и отражающие их доктрины в России и Турции менялись в зависимости от эпохи, системы правления и, соответственно, общественных приоритетов. Все это, так или иначе, было связано с процессами формирования общественного сознания, которые хотя и отражали развитие мировой цивилизации, но проходили в зависимости от внутренних социально-экономических факторов, определявших развитие как России, так и Турции.

Естественно, что развитие политической мысли в России и Турции развивалось в соответствие со сложившимися общественными процессами, системой развития властных структур. Россия за свою историю прошла через различные периоды формирования общественных институтов, национальной консолидации, формирования идеологии государственного строительства. Определяющим фактором для всего развития страны стало крещение Руси, принятие христианства его ортодоксального направления, что и определило на столетия главные идеологические приоритеты. Отметим, что, речь идет о разных государствах. Московская Русь, возникшая после падения Киевской Руси и территориально, и по системе восприятия внешнего мира представляла собой совершенно другую ветвь государственного строительства. В Московской Руси государственной идеологией стала доктрина «Москва – Третий Рим», которая на столетия определила восприятие тогдашними жителями страны сначала Византии, как религиозного лидера, затем претензии на ее наследство, в первую очередь, духовное, после ее падения.

Османская империя, утвердившаяся на развалинах некогда великой Византийской империи, воспринималась в течение многих столетий как антипод былого могущества идеологии

восточного христианства. Однако те войны, которые в течение многих столетий обрушивались на головы турок-османов и россиян – подданных Российской империи отнюдь не были постоянным явлением в их двусторонних отношениях. К тому же многие из этих конфликтов, если не большинство возникали под воздействием иных факторов, нежели генетическое неприятие друг друга. Политика Англии, Франции, других государств Европы старавшихся извлечь выгоду из сраживания двух империй между собой чаще всего была главным фактором двусторонних конфликтов, истощавших силы империй.

Идеологические доктрины, на которых основывались политические системы двух стран, претерпевали изменения, но к двадцатому столетию, ни одна, ни другая страна не смогла выработать стройной идеологии модернизации экономических и социальных структур. Соответственно результаты сказались на судьбах двух империй.

В XIX веке в России, пожалуй, наиболее активные процессы осмысления будущего страны проходили в ходе борьбы «западников» и «почвенников» — по сути вековой борьбы за определение дальнейшего пути развития. К концу XIX века в стране стали популярны идеи социальной справедливости, надолго завладевшие умами российской интеллигенции. Соответственно, на задний план отошли модернизационные проекты либералов, а неспособность правящей элиты предложить обществу конкурентоспособные проекты развития привели к слому всей общественно-политической системы страны в результате сначала февральской революции, а затем и октябрьского переворота большевиков, чьи модернизационные проекты на долгие годы определяли развитие страны.

Представляется, что не менее сложные процессы в области идеологии проходили и в Османской империи. С середины девятнадцатого века в период «танзимата» европейски ориентированные интеллектуалы попытались найти некую османскую общность, которая бы позволила выстроить новую систему общественных отношений в империи. Это течение получило название «османизма», сторонники которого провозглашали новые для империи идеи равенства подданных всех национальностей. Стремление уравнивать в правах всех подданных Османской империи вне зависимости от вероисповедания и национальной принадлежности можно расценивать, как серьезную попытку создать османскую нацию. При этом, немусульманские народы получали права, о которых ранее они и мечтать не могли. Однако остановить процессы дезинтеграции не удалось. Противники реформации видели в реформах опасность снижения роли ислама в стране и, как оказалось на практике, общество оказалось не готово воспринимать религиозные и национальные меньшинства – «миллеты» в качестве равноправных граждан.

В результате фактического отказа от реформ на смену «османизму» в период правления султана Абдул-Хамида II, пришел период реакции «зулум», который характеризовался отказом от попыток любого реформирования османского общества. Окружение султана-халифа попыталось найти иной выход из кризиса и империя перешла к идеологии «панисламизма» и попыткам практической реализации этого макро-политического проекта. Это была попытка объединить под знаменем ислама, что оказалось невозможно в рамках многонациональной

империи в условиях подъема националистических настроений практически во всех частях империи, включая и мусульманские.

Нелояльность мусульман была воспринята этническими турками как некое предательство. Как реакция на «предательство» всех национальных окраин в конце девятнадцатого века в общественной и культурной жизни Турции постепенно стало укрепляться течение «тюркизма», носители которого пытались определить место турецких национальных традиций в системе космополитических структур империи.

Турецкий национализм, с самого начала был обращен к национальному, к интересам «простого» турка, к которому с пренебрежением относилась официальная власть[1]. На защиту национального, турецкого все активнее стала выступать национальная интеллигенция, особенно в период все большего подчинения империи диктату западных держав. Впрочем, именно в этот период и появились крайности в турецком национализме, например, пантюркизм, овладевший умами немалого числа политиков в конце девятнадцатого и в начале двадцатого века.

Как очевидно, идеологические основы двух империй никак не сочетались и, чаще всего строились на откровенно враждебных идеологических доктринах. Османская империя постаралась распространить свое идеологическое влияние и в пределы Российской империи, призвав российских мусульман к «мухаджирству» — переселению российских мусульман в пределы османской империи. Соответственно, Россия по разным данным потеряла от миллиона двухсот тысяч, до двух миллионов мусульман, преимущественно выходцев с Северного Кавказа. На этих процессах сказалась и «Кавказская война» и непоследовательность российских властей в своей политике в регионе.

Долгий период враждебности двух стран окончился с развалом обеих империй. После прихода к власти большевиков и оккупации Османской империи войсками Антанты наступил, пожалуй, наиболее примечательный период в истории развития двух государств. С одной стороны новая власть в России постепенно выработала концепцию строительства государства на совершенно новых принципах как внутри страны, так и на международной арене. Основой нового взгляда на развитие общества во всемирном масштабе стала теория «пролетарской революции» и идея ее победы во всемирном масштабе. Именно на этой основе и строилась политика нового государства. Внутри страны развернулась борьба против устоявшегося веками класса собственников, а на международной арене большевики распространяли идею борьбы против «мирового империализма» и усиленно искали союзников в этой борьбе.

Развернувшееся в Турции национально-освободительное движение во главе с Мустафой Кемалем против иностранной оккупации нашла самую горячую поддержку в Москве. Тем более что и противник, в лице держав Антанты был общий. Тогдашняя Советская Россия, оказала как военную, так и финансовую поддержку молодой Турецкой республике, усматривая в ней «мост

пролетарской революции на Восток». Именно под такой идеологической оболочкой большевистское руководство воспринимало антиколониальные национально-освободительные движения не только в Турции, но и в Иране и Афганистане. Весь пафос большевиков сводился в первую очередь к «мировой революции», «борьбе с мировым капитализмом» и помощи «угнетенным народам колониальных и зависимых стран».

Системные преобразования в самой Турции, революционные, по сути, и не имевшие аналогов ни в одной мусульманской стране, в немалой степени походили на те, что происходили в СССР. Не удивительно, что реформы на советском Востоке и в республиканской Турции наводили на мысль если не о копировании, то как минимум, внимательном изучении примера действий революционного соседа. В Советской России развернулась борьба с религией, в том числе и на Востоке и республиканская Турция последовала этому примеру. Только в Советском Союзе мулл репрессировали, а в Турции резко ограничили их влияние и, в первую очередь финансовое, ликвидировав вакфы и прочие институты[2]. Как и в России Кемаль Ататюрк запретил ношение чадры и паранджи, да еще и фески (на Российском Востоке феску не носили). В Турции ввели фамилии, которые у российских мусульман появились еще во времена империи и т.д. и т.п.

Вполне синхронными выглядят и реформы в двух странах в области образования. В 1928 году как Турции, так на советском Востоке арабская графика была заменена на латинскую. Впрочем, после смерти Кемаля Ататюрка, который оставался главным двигателем преобразований в Турции, в 1938 году в Советском Союзе алфавиты восточных республик и автономий были переведены на кириллицу, что формально оправдывалось, прежде всего, хозяйственными соображениями. Однако вполне очевидно и другое: после смерти Ататюрка внешнеполитический курс нового турецкого руководства был переориентирован на Запад, в частности окрепли прогерманские настроения.

В период наиболее близких советско-турецких отношений просматриваются определенные параллели в области идеологии. В первую очередь это «антиимпериализм». Правда, в Советской России он в течение довольно продолжительного периода принимал форму экспорта революции. В Турецкой республике ограничились, в основном декларативными осуждающими заявлениями антиимпериалистического и антикапиталистического характера.

Важным этапом, во многом похожего развития процессов преобразования стала «культурная революция» в обеих странах. Можно найти немало общего и в программах преобразований в этой сфере и, прежде всего, в постановке задачи просвещения народа как одного из важнейших путей поступательного развития государства. В первую очередь это ликвидация неграмотности в СССР и огромные усилия по народному образованию в Турции. Беспрецедентные в современной истории усилия в этой области дали результат, подняв образовательный уровень народа и создав базу для перестройки наших стран. При этом интересно другое: в борьбе с империализмом и капитализмом обе страны осуществляли модернизацию, ориентированную на базовые ценности именно европейской цивилизации на которой базировались как пресловутый «бесчеловечный капитализм», так и «хищнический империализм» с которыми так жестко боролись большевики.

Однако в кемалистском варианте «культурной революции» мы уже не видим такой идеологической жесткости, нетерпимости, как у большевиков. Сами «шесть стрел» Ататюрка, сформированные в окончательном варианте к 1931 году уже были полностью самостоятельной идеологической платформой, в которой прослеживается не влияние большевизма на формирование национальной турецкой идеологии республиканского периода, а скорее уверенное дистанцирование от него, стремление избежать тех крайностей, которые характерны для внутренней политики большевизма.

С нашей точки зрения наиболее примечательной в реформировании двух стран представляется социальная направленность реформ, заметная в Турции. В СССР мы видим совершенно иное: характерное для того этапа развития марксизма абсолютное отрицание частной собственности и переход к активной и репрессивной борьбе с самими собственниками. Интересно, что Кемаль, то ли в силу стремления к солидарности с северным союзником, то ли в попытке нащупать собственный, турецкий вариант коммунизма, даже пытался создавать собственные «карманные» коммунистические партии, которые, впрочем, просуществовали недолго. Как только у «новообразованных» проявлялся вкус к власти, и они начинали воспринимать себя как реальную политическую силу, их тут же закрывали. Кемаль Ататюрк всегда оставался убежденным и последовательным националистом. Именно на этом направлении он и видел магистральный путь конструирования новой Турции, убирая с дороги все, что вступало в идеологическое противоречие с его концепцией.

То общее что мы отметили, возможно, является, первой попыткой выработки идеологической платформы, на базе которой должно было осуществляться, с условием сохранения турецкой специфики, сотрудничество двух государств и их взаимодействие на международной арене. Отсюда появились и концепции подхода большевиков к взаимодействию с «колониальными и зависимыми народами» и более поздняя политика выстраивания отношений с развивающимся миром. Поддерживая устремления своего турецкого союзника, большевики пошли и на совершенно нехарактерный для межгосударственных отношений других стран ход: устанавливая границы двух стран передали Турецкой республике территории, входившие до этого в состав российской империи на Кавказе, существенно сократив площадь будущей Армении, согласившись на турецкие требования в отношении Грузии и Азербайджана. Логика большевиков просматривалась уже тогда: победа пролетарской революции, в их понимании, должна была стереть национальные границы вообще, а посему их проведение воспринималось лишь как «временное» явление.

Конечно, приведенные примеры если не синхронизации преобразований, то их «похожести», оставляют немалый простор для разного рода конспирологических выводов с точки зрения если не копирования преобразований, то их преднамеренной планировки из некоего «единого центра». Однако нам бы не хотелось прибегать к столь неоднозначным выводам. В этом случае, скорее имело место другое: сама логика развития по «европейскому» пути развития предполагала именно такой путь реформирования архаичных, с точки зрения тогдашних

революционеров, структур рухнувших империй, с целью вывода их на новый магистральный путь развития, адаптации к прогрессу науки и техники, к тенденциям социальной трансформации общества.

Период послереволюционного сотрудничества двух стран оказался недолгим, однако его влияние сказалось на выстраивании последующих отношений двух стран уже в послевоенный период после отстранения от власти Демократической партии в 1960 году. Двухполюсной мир послевоенного периода, когда обе страны оказались «по разные стороны баррикад» оказал значительное влияние на «смену вех» в турецком восприятии мира. Турция, как часть западного сообщества выполняла и свои оборонные обязательства и стремилась интегрироваться в ЕЭС, а потом и в Европейское Сообщество.

После переворота 1980 года постепенный переход турецкой экономики на рыночные основы и ее грандиозная перестройка придала развитию Турции тот импульс, в котором она давно нуждалась. Изменился и идеологический вектор развития государства и общества, затронувший и знаменитые «шесть стрел». Фактически подвергся эрозии этатизм – руководящая роль государства в экономике, означавший на практике национализацию основных отраслей турецкой экономики при сохранении мелкого частного сектора[3].

Под вопрос были поставлены и другие идеологические основы развития республиканской Турции, например принцип «национализма», который рассматривался в стране как основа государственности. Шаг за шагом руководство страны признает права национальных меньшинств, что соответствует не только требованиям о равноправии, предъявляемым со стороны ЕС, но и современным потребностям дальнейшего развития Турции.

Отметим, что идеологический фактор в отношениях России и Турции играл немалую роль, и оказывал влияние и на восприятие народами друг друга. Сложилось так, что в Османской империи образ России оставался образом врага. Действительно, вековое противостояние двух империй породило враждебное отношение в Турции к России и русским. В турецкой традиции прошлого принято было считать, что те четырнадцать войн, которые велись между Россией и Османской империей ослабили последнюю и привели ее к окончательному краху после первой мировой войны. При этом следует отметить и ответную неприязнь со стороны России к своему извечному врагу. Однако так ли однозначна была эта неприязнь?

В период развития капитализма в России, тюркоязычные народы и особенно тюрко-мусульмане, увидели в Османской Турции источник опоры для национального развития, тем более что султан империи был еще и халифом всех мусульман. Именно такой образ Османской империи навязывался российским мусульманам с конца XIX века османской пропагандой времен попытки консолидации империи на платформе панисламизма. Ее возможности были практически неограниченны, тем более что сама пропаганда велась через мечети по всей территории России.

Эта пропаганда подпитывала и собственно местный национализм тюрко-мусульманских народов, расцвет которого пришелся именно на этот период. Вот почему идея создания единого тюркского государства «Великий Туран» обрела на территории императорской России немало сторонников. В результате этой агитации пределы России покинуло от полутора до двух миллионов мусульман, переселившихся на земли, контролируемые османами. Из российских мусульман сформировалась и основная когорта проповедников пантюркизма на территории Османской империи, что оказало существенное влияние на формирование идеологии и политики этого государства.

Подспудно эта идея живет в умах многих представителей тюркского мира и воскресает именно тогда, когда Россия оказывается в тяжелом положении и центробежные тенденции начинают расшатывать ее основы. Так было в начале XX века, когда практически на всех тюрко-мусульманских окраинах империи появились многочисленные сторонники пантюркистской идеи, которые в период революции и гражданской войны в России активно приступили к ее реализации. Так случилось и в период второй мировой войны, когда показалось, что СССР – «колос на глиняных ногах», по убеждению лидеров нацистской Германии, вот-вот рухнет. Воспрянули духом сторонники пантюркизма – эмигранты из Царской России в теперь уже республиканской Турции, а германские нацисты приступили к активному использованию «тюркского фактора», создав и «Туркестанский комитет», и «туркестанский легион», и т.д. и т.п.[4].

В начале девяностых, после распада СССР история сделала новый виток, в чем-то повторяя прошлое. На политической карте мира появились новые независимые тюркоязычные государства: Азербайджан, Казахстан, Киргизии, Туркмения и Узбекистан. В Турции эти перемены были встречены небывалым всенародным ликованием, а тогдашний президент Турецкой Республики Тургут Озал возвестил о наступлении «столетия турок». Убеждение в скорой реализации идеи «Великого Турана» стало практически всеобщим. В большинстве новых независимых государств также нашлось немало сторонников и энтузиастов этой идеи, а попытки отрезвить ее сторонников[5] воспринимались крайне негативно. Хотя абсурдность этой идеи сомнений не вызывала.

Впрочем, и этот период прошел. К тому же пантюркистские настроения не соответствовали самому кемалистскому принципу «национализма». Национализм по Ататюрку «дистанцировался от расового национализма и пантюркизма, и понимался как идеология политической нации в границах Турецкой республики (а не тюркской этнической нации, как это было особенно у пантюркистов)»[6].

Следует отметить, что в России эти настроения в турецкой интеллектуальной элите не вызвали отрицательной реакции. Новая Россия была озабочена внутренними проблемами, трудностями и лишениями периода реформ, а идеология как таковая исчезла из приоритетов общественного сознания. Даже попытки сформулировать «национальную идею» для новой России оказались тщетными. Конечно, на современном этапе развития страны появились идеи разделяемые большинством интеллектуальной элиты – патриотизм и любовь к родине, стремление к обновлению страны, апелляция к позитивным страницам ее истории, стремление воскресить

позитивные аспекты интернационализма и ограничить наметившуюся экспансию агрессивного шовинизма и воинствующего национализма, попытка поставить заслон на пути распространения деструктивных религиозных доктрин вроде западного сектантства и восточного салафизма и т.д. Однако в целом идеология современной России пока еще находится в процессе становления.

Для турецкого политического менталитета характерны попытки соединить в идеологии, как правящих кругов, так и в массовом сознании ислам и национализм, что не соответствует основной концепции ислама, в соответствии с которой «национальное» не играет определяющей роли. Эта раздвоенность политического сознания с одной стороны, постоянно порождала периодические возвраты к идеологии пантюркизма, с другой – к периодическим попыткам возврата к «ценностям ислама».

Современный процесс исламизации турецкого общества сказывается на отношениях Турции с США и другими странами НАТО. Прежде всего, в том, что это общество стало более негативно относиться к западным союзникам. На протяжении нескольких последних лет драматично возрастал антиамериканизм турок. Меняется их отношение к Европейскому союзу. Большинство турецких граждан испытывает «евроскептицизм» и не проявляет интереса к вступлению в ЕС. Да и сам ЕС по-прежнему не готов принять Турцию в свои ряды.

С другой стороны, в общественном сознании утверждается идея необходимости налаживания союзнических отношений с мусульманскими государствами и возрос интерес к сближению с Россией. В экономической сфере сближение двух стран уже давно свершившийся факт. Изменилось и восприятие гражданами двух стран друг друга. Турция стала для миллионов россиян излюбленным местом отдыха и уже давно не воспринимается как идеологический или военный противник. Для самих турок роль играют не только миллионы российских туристов, ставшие важным источником стабилизации турецкой экономики, но и беспрепятственное сотрудничество с тюркоязычными народами России. Привлекательными становятся и интеграционные проекты на постсоветской территории в экономической сфере.

Возможность, подвести под процессы взаимодействия и кооперации в экономике, сотрудничество в международно-политической сфере соответствующую идеологическую базу вызывает интерес в большей степени с турецкой стороны, нежели российской. Конечно, некоторые теоретики уже попытались разработать идеологическую составляющую, способную стать основой некоего российско-турецкого союзнического проекта. Это и концепция евразийства, с большим интересом воспринятая в Турции и другие идеи похожего свойства.

Позитивный эффект от появления таких разработок возможен, однако главное в процессе укрепления российско-турецкого сотрудничества и взаимодействия это реализация насущных национальных интересов двух стран и их народов в процессе двустороннего сотрудничества.

Следует отметить и другое. «Арабские революции» внесли драматическую коррективу в, казалось бы, уверенный курс турецкой внешней политики. Турецкие лидеры без колебаний поддержали новые веяния в регионе. На определенном этапе в глазах арабской «улицы» стала утверждаться репутация Турции, как наиболее решительного защитника исламских ценностей, интересов палестинского населения. Однако сирийские события внесли новую коррективу как в турецкую внешнюю политику, так и в сформировавшийся было новый образ Турции.

[1] Подробнее о турецких литераторах воскресивших новое, турецкое направление в османской литературе см.: Гордлевский, В.А. Очерки по новой османской литературе. — М.: Труды по востоковедению изд. Лаз. Инст., 1912, Алькаева Л.О. Очерки по истории турецкой литературы 1908-1939 гг. — М.: Изд. АН СССР, 1959 и т.д.

[2] Подробнее об этих действиях правительства Турецкой республики см.: Шлыков П.В. Вакфы в Турции: Трансформация традиционного института.//Издательский дом Марджани//М. 2011. С. 81-129.

[3] Шесть принципов кемализма//<http://mgimotc.com/index/>

[4] Кондакчян, Р.П. Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны. — Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1978.

[5] В.Надеин-Раевский, В.Сковорода. Бизнес без зеленого знамени. Интербизнес/Деловые люди. М. Апрель 1992, N 4(22). С.40.

[6] Шесть принципов кемализма//<http://mgimotc.com/index/>

shest_principov_kemalizma_ikh_osnovnoe_politicheskoe_i_socialnoe_soderzhanie/0-94

Опубликовано:

Российско-турецкие отношения: 2002-2012 годы (материалы Круглого стола, г. Москва, 4 апреля 2013 года). Под редакцией В.А. Аваткова, С.Б. Дружиловского, А.В. Федорченко. Москва, МГИМО — Университет. 2013. Сс. 93-104. ISBN 978-5-9228-1034-0